

Когда Тина постучала в комнату Райнса, тот еще даже не успел переодеться. Горничная протянула ему пышный белый хлеб с орехами и изюмом, размером с две мужские ладони. Выпечка была еще теплой.

— Опоздай ты на пару минут, и ничего бы не осталось, — гордо заявила Тина. — Сегодня и господа, и наследник разъехались, так что на кухне можно урвать кусочек повкуснее.

Райнс смущенно улыбнулся и тихо поблагодарил ее. Его тонкие, побелевшие пальчики вцепились в край деревянной двери, оставляя на виду лишь часть лица — воплощение робости и нежности.

«А он ведь красивее любой из нас», — лениво подумала Тина. Если бы Райнс оказался девушкой, ей бы точно пришлось переодеваться в парня, чтобы спастись от сальных взглядов деревенских ублюдков. Девушке казалось, что к этому юноше подходит любой романтический троп из старых баллад: падший ангел, эльф, принцесса, бросающая вызов судьбе, или непорочная жрица. Все самое прекрасное было о нем.

Кому не понравится нежный, хрупкий красавец? Тина, переняв повадки местной шпаны, вальяжно оперлась о косяк:

— Не пригласишь войти? Я же все-таки хлеб тебе принесла.

Райнс заметно опешил, и краска с невероятной скоростью залила его щеки:

— Нельзя...

Тина лукаво изогнула бровь. Заметив его панику, она в шутку сделала вид, что пытается протиснуться внутрь.

Райнс торопливо вцепился в дверь обеими руками, издав едва слышный испуганный всхлип.

— Правда нельзя, Тина, — его сил едва хватало, чтобы удерживать створку. В сапфировых глазах плескалась неподдельная паника. — Я... я переодеваюсь.

Он не осмеливался посмотреть ей в глаза. Райнс, конечно, еще не переодевался, но был близок к этому. Герберт где-то раскопал совершенно непотребное платье, и, пока Райнс в спешке пытался одернуть подол, одна из бретелек лопнула. Наряд, изначально сшитый для уличных девок, теперь обнажал половину его белоснежной груди и спины.

Когда Тина постучала, он испугался, что кто-нибудь из проходящих мимо слуг заметит ее у дверей с едой для бастарда, поэтому бросился открывать. Пока он держал дверь одной рукой, еще можно было придерживать лиф, но теперь, задействовав обе руки, он позволил и второй бретельке соскользнуть на локоть. Алый шелк, обладающий прекрасной текучестью, собрался складками на талии, еще сильнее подчеркивая изгиб спины и бедер.

Фактически, Райнс стоял перед Тиной практически обнаженный, разделенный с ней лишь тонкой деревянной преградой. Любой лакей, применив хоть толику силы, снес бы эту дверь с петель.

Раскрыл бы его, словно створки драгоценной белой раковины.

Райнс доверял Тине. Он никогда не чувствовал от нее ни липкой похоти, как от Герберта, ни ядовитой ненависти, как от герцогини. Но осознание того, что девушка сделала ему одолжение, а он даже не пускает ее на порог, заставляло его сгорать от чувства вины.

— Давай в следующий раз, хорошо? — тихо взмолился он. — Пожалуйста?

...

— Ох, золотце мое... — выдохнула Тина, не сдержав улыбки.

Она потянулась и легонько ущипнула его за ухо, которое от слова «золотце» стало пунцовым. Если бы она не знала, что Райнс просто извиняется за неудобства, любой другой воспринял бы эти слова и этот тон совершенно иначе.

«Без материнского воспитания ему придется туго», — вздохнула девушка и убрала руку с двери.

— Ладно, маленький господин, переодевайся. Только не вздумай говорить таким тоном с пьянчугами на улице, иначе они заташат тебя в подворотню и трахнут до смерти.

— ...Что? — Райнс в растерянности хлопнул глазами, глядя на закрывшуюся дверь. Жар на кончиках ушей все еще не спал.

Придерживая рукой сползающий шелк, он повернулся, держа тарелку в другой руке...

И замер. Возле ванной комнаты стоял ребенок, рост которого едва превышал спинку дивана. Мальчик сверлил Райнса потемневшими сапфировыми глазами, цвет которых был на несколько тонов глубже, чем у самого юноши.

Ванной только что пользовались, но пара в воздухе не было — Райнс не имел права просить слуг греть для него воду, благо стояло лето и мыться в холодной было терпимо.

Кожа ребенка была пугающе белой. Это была не мягкая, сливочная белизна Райнса, пахнущая уютом, а трупная, безжизненная бледность. Болезненная и таящая в себе невыразимую жуть.

Он стоял босиком, и с него на пол натекала небольшая лужица воды. Все его тело — от

конечностей до лица — покрывали глубокие раны, похожие на кровавые трещины, из-за чего он казался расчлененным трупом, наспех сшитым воедино. Или бледной поганкой, выросшей в непроглядной мгле.

Даже несмотря на то, что черты его лица и пропорции тела были идеальны, словно у античной статуи, эта красота лишь усиливала гнетущую, сверхъестественную ауру.

На дворе стоял жаркий августовский день. За окном Райнса буйно зеленели дикие кустарники, усыпанные мелкими сиреневыми цветами, а в листве надрывались цикады. Но внутри комнаты, лишь из-за присутствия этого существа, температура, казалось, упала на несколько градусов.

...

Райнс признался себе: ему было страшно.

Шестнадцать лет жизни человеком вбили в него естественное отторжение к столь жутко изувеченному телу. А скрытая глубоко в венах кровь среброхвостого русала билась в истерике, умоляя бежать без оглядки.

Знаешь ли ты, что бывает, если подойти слишком близко? Тело русалки, совершенно не приспособленное для соития, будет безжалостно вскрыто. В самое нутро, никогда не видевшее света, вонзятся когти, сочащиеся ядом. Ему не позволят даже вздрогнуть; придется полностью отказаться от контроля над собственным телом. И так будет продолжаться до тех пор, пока партнер не насытится.

А заканчивалось это, как правило, либо полным оплодотворением, либо потерей сознания.

Если бы Райнс прислушался хоть к одному из этих инстинктов, он бы никогда не совершил того, что сделал сегодня.

Но насколько опасным может быть ребенок? Тем более, найденный казался жертвой какой-то тяжелой врожденной болезни. Наверняка его с пеленок били и морили голодом, доводя до такого состояния. Смотря на него, Райнс невольно вспоминал себя.

Ему стало стыдно за свой страх.

Юноша вжался спиной в дверь. Иронично: он был хозяином комнаты, но вел себя так, будто сам незаконно проник на чужую территорию.

Изнаненный ребенок сделал два шага вперед. В звенящей тишине комнаты раздалось влажное шлепанье мокрых ступней.

Розовые губы Райнса плотно сжались.

— Не подходи.

Будь он настоящим среброхвостым, его тело сейчас рефлекторно выделило бы в воздух особый феромон, служащий предупреждающим нейротоксином. На человека это подействовало бы отрезвляюще, но для чернохвостого легкое онемение стало бы лишь приятной прелюдией, подогревающей возбуждение.

Существо принялось. Но Райнс был другим; он все еще оставался человеком, и в воздухе витал лишь едва уловимый, нежный аромат. Запах, который можно почувствовать, лишь уткнувшись носом в шелковистую кожу.

Мальчик опустил взгляд.

— ...Больно...

Райнс не поверил своим ушам.

— Что?

Голосовые связки ребенка явно были повреждены. Голос звучал хрипло и сипло, напоминая змеиное шипение.

Но слова были невероятно жалкими. Опустив голову, чтобы спрятать бесстрастное лицо, Существо прошептало:

— Мне так больно... братик... Ты можешь... обнять меня?

Он говорил медленно, с трудом подбирая слова — весь его человеческий лексикон был собран из обрывков фраз исследователей, услышанных в полубессознательном состоянии.

— Я думал, ты не умеешь говорить, — Райнс поспешно сделал пару шагов навстречу, но тут же осознал, в каком непотребном виде находится, и неловко замер, комкая шелк. Он опустил голову и мягко спросил:

— Очень больно? Позволишь... мне переодеться?

Существо беззвучно усмехнулось.

«Какой же он глупый. Настолько глупый среброхвостый, что, потащи его на морское дно, он даже не будет сопротивляться. Только распахнет свои голубые глазищи и спросит, за что с ним так поступают».

Внезапно Он почувствовал, как что-то мягкое кольнуло Его там, где должно было быть сердце.

Очень странное чувство. словно Он, веками дрейфовавший в безграничном одиночестве, чьи чувства давно омертвели в ледяной пучине океана... ожил. Даже бесконечные пытки, ожоги и разрезы в лабораториях не вызывали в Нем ни единой эмоции.

Но Райнс был иным. Впервые за вечность Он подумал... что этот мир начинает казаться Ему забавным.

Не проронив ни звука, мальчик медленно шагнул вперед. Инстинкты древнего хищника безошибочно подсказывали, какую позу принять, чтобы жертва максимально расслабилась. И Райнс не убежал.

До тех пор, пока чужая рука не легла ему на бедро.

— Ах! Ты...

— Я... хочу быть с братиком, — мальчик виртуозно сыграл роль неуклюжего, напуганного ребенка.

Райнс, как и ожидалось, тут же умолк.

— ...Нельзя, — протянул он с мягкой, почти кокетливой интонацией, сам того не осознавая.

Юноше было невыносимо стыдно, что он, взрослый парень, стоит чуть ли не плача перед десятилетним ребенком:

— Отпусти меня, пожалуйста, хорошо?

«Какой глупый. Но какой очаровательный», — подумало Существо. Он уже едва сдерживал инстинктивное возбуждение. Будь Райнс чуть внимательнее, он бы заметил налившиеся кровью капилляры на шее мальчика и проступающие контуры чешуи.

Пальцы на бедре сжались чуть сильнее — жест, казавшийся мольбой, но таивший в себе угрозу.

— По... чему?

Райнс понятия не имел, как объяснить десятилетнему ребенку концепцию стыда. Особенно когда под этим красным платьем-комбинацией на нем больше ничего не было, и наряд висел так, словно клеймил его позором.

В отчаянии маленькая серебряная рыбка сунула пышный хлеб с тарелки прямо в руки мальчика:

— На, поешь вот это.

Райнс имел в виду: «Поешь и оставь меня в покое». Но Существо предпочло интерпретировать это по-своему. Впрочем, нельзя загонять драгоценную добычу в угол слишком быстро.

Глядя на Райнса, мальчик послушно разжал пальцы и прижал буханку к груди.

«Все-таки он просто ребенок...» — с облегчением подумал Райнс.

— Я быстро вернусь, — добавил он тоном, которым обычно отчитываются перед строгим учителем, а не обращаются к сироте.

Райнс юркнул в ванную и закрыл за собой дверь, отгораживаясь от чужого взгляда.

За окном не умолкали цикады. Белая кошка с черным хвостом бесшумно запрыгнула на подоконник, сладко потянувшись, выставив вперед лапки, и довольно мяукнула. Она пришла к Райнсу выпрашивать угощение. А если еды не окажется, то пусть этот нежный, красивый человек хотя бы расчесает ей шерстку.

Она подняла морду и... встретилась взглядом с парой бездонных сапфировых глаз.

— Ш-ш-шх!! — кошка в мгновение ока вздыбила шерсть, выгнув спину дугой и превратившись в шипящий комок ужаса.

Два существа замерли, сверля друг друга взглядами. Мальчик слегка склонил голову набок, словно находя эту сцену забавной.

Кошка медленно попятилась. Если есть шанс избежать драки, зверь всегда выберет побег.

Но за секунду до того, как она попыталась спрыгнуть, в ее янтарных глазах отразилось нечто ослепительно белое, в одно мгновение заставшее весь обзор.

...

Хруст... чавк... хруст...

Белая кошка вполне могла бы выжить. Жаль только, что цвет ее глаз оказался роковым совпадением.

Опустив взгляд, мальчик небрежно отломил кусок белого хлеба, стер им капли свежей крови с подбородка и отправил в рот.

«Невкусно. Человеческая еда мне все-таки не подходит».

По ту сторону морского пролива, отделяющего земли Соуков от континента, на восточном побережье копошились сотни солдат в серебряных доспехах. Согнувшись в три погибели, они метр за метром просеивали прибрежный песок.

Шквальный ветер гнал волны, с грохотом разбивавшиеся о скалы. Мелкие раки-отшельники, таща на себе раковины, торопливо прятались в расщелинах, подальше от пугающего скопления людей.

— ...И нас подняли по тревоге, чтобы мы копались в песочнице?! — прошипел один из солдат.

Крепко сбитый десятник, лицо которого тоже не светилось от радости, отвесил болтуну увесистый пинок:

— Это приказ генерала, кретин!

Солдат, не ожидавший, что командир стоит прямо за спиной, виновато сжался.

Стоило десятнику отойти, как в строю вновь зашуршали перешептывания. Раздражение солдат было понятно: в августовский полдень песок на восточном побережье раскалялся так, что обжигал сквозь подошвы. Вариться заживо в стальных доспехах под палящим солнцем было немногим приятнее пытки на вертеле.

«Выблядок сутулый», — мысленно выругался десятник.

Вдалеке, укрывшись в тени деревьев, стоял Оупен в своей белоснежной мантии. Похоже, темпы поисков его не устраивали. Десятник запрокинул голову, сделал жадный глоток воды из фляги и направился к алхимику.

— ...Я приказал прочесать каждый дюйм! Почему никто не спустился под воду? — отчитывал Оупен кого-то из командиров.

Услышав это, десятник закатил глаза. Заставлять солдат лезть в море в тяжелой броне — верный способ сократить численность столичного гарнизона.

Однако, подойдя ближе, он нацепил на лицо почтительную улыбку:

— Ваша светлость, осмелюсь доложить...

Оупен перевел на него взгляд. Взгляд легкий, пустой — так смотрят не на живого человека, а на прилипший к сапогу лист или раздавленного муравья.

Десятник тут же перешел к сути:

— Разрешите спросить, что именно вы потеряли? Как видите, мы трудимся уже который час, но без толку. Приказ «искать что-то необычное» не слишком помогает делу. Если это золото или самоцветы, я поставлю парней с самым острым зрением. А если вы ищете бабу, то нам тем

более нечего делать на пляже, верно?

Солдаты были уверены, что алхимик посеял какую-то постыдную безделушку и теперь, прикрываясь именем Института, гоняет армию. Чем больше десятник об этом думал, тем больше презрения сквозило в его взгляде.

«Вся эта империя прогнила сверху донизу», — подумал Оупен. Он холодно усмехнулся:

— Хочешь знать, что вы ищете?

— Если это не государственная тайна... — хитро прищурился вояка.

— О, никаких тайн. Вы имеете полное право знать, — янтарный глаз за стеклом монокла не выражал ни единой эмоции.

Десятнику вдруг стало зябко.

— Вы ищете следы дьявола. Обглоданный добела скелет, выпавшую чешуйку... или любую другую вещь, способную убить вас на месте, — бросил Оупен и, развернувшись, пошел прочь.

— ...И почему его до сих пор не заперли в дурке? — пробормотал десятник, поняв, что над ним издеваются, и со злости пнул гальку.

Тем временем Оупен вернулся в карету. Генерал Кенли развалился на заднем сиденье, заняв почти весь диван и оставив алхимику лишь узкий краешек.

— Ну что, нашли?

— Каких бездарей вы воспитали, генерал, вам должно быть виднее, — сухо ответил Оупен.

...

Если бы не дамоклов меч в виде выпитого бульона из русалки, Кенли бы придушил его прямо на месте.

— Продолжайте поиски. Никаких перерывов, — скомандовал алхимик.

Кенли попытался говорить спокойно:

— У меня уже несколько человек слегли с солнечным ударом.

В этом отряде служило немало отпрысков благородных семей — иначе они бы не прохлаждались в столице. Если Оупен загоняет их до смерти, генералу придется откупаться от их разъяренных папаш.

— Хотите дожждаться, пока эта тварь сама не постучит в ваши двери и не перережет нам всем глотки? — отрезал Оупен.

Терпение Кенли лопнуло:

— Да нахрена нам сдались эти обглоданные кости?! Ты что, гончая, мать твою?! Тебе нужно понюхать чужие объедки, чтобы взять след?!

— Мне нужно понять, до какой стадии Он успел восстановиться! — жестко оборвал его алхимик, глядя на генерала свысока, словно понтифик на неразумного паству.

— Сейчас Он мало чем отличается от обычного русала: тяжело ранен и не осознает своей истинной природы. Вы когда-нибудь видели новорожденных зверей? Птенцы принимают за мать первое существо, которое увидят, а оленята встают на ноги через час после рождения. Это слепые инстинкты. Он пробудился раньше срока, мы срезали с Него половину плоти. Он будет действовать исключительно повинаясь звериным позывам.

— Покидая лабораторию, Он опрокинул чаны с кислотой, уничтожив все следы. Но одно я знаю точно: Он обязательно вернется к морю. И теперь мне нужно выяснить, как именно Он питается.

У русалок есть три способа пропитания. Первый — пассивный: они фильтруют воду жабрами. При этом жаберные пластинки периодически отпадают. Если мы найдем их, значит, Он пребывает в стадии малька и прячется на мелководье, в зарослях водорослей.

Второй способ — впрыскивание пищеварительных соков в тело жертвы. Это означает фазу активного роста. Они охотятся на поверхности глубоких вод, пожирая чаек, морских черепах, косаток, дельфинов и акул. Если это так, мы найдем на берегу растворенные изнутри кости. И тогда нам понадобятся не солдаты, а целый флот боевых алхимических судов.

Кенли мрачно молчал. В карете повисла тишина. Спустя пару минут генерал, вспомнив о светских манерах, спросил с легкой усмешкой:

— Ну, а третий способ? Почему замолчали?

Оупен опустил глаза и налил себе чаю:

— Нет нужды. Он никак не мог достичь зрелости за такой срок.

Это лишь разожгло любопытство Кенли:

— А все-таки?

— ... — Оупен понимал, что сейчас нельзя злить генерала, и потому, словно столичная сплетница, нехотя пересказал то, что вычитал в древних дневниках.

— Русалки растут бесконечно, пока не встретят своего партнера. До этого момента они

бесполы. Когда две особи встречаются, они вступают в схватку, чтобы определить, кто станет доминантом. Древние алхимики наблюдали это через магические кристаллы. Победитель прижимает проигравшего к рифам и пронзает его, раз за разом, пока внутри не сформируется инкубаторная полость для вынашивания потомства.

Крошечный мозг Кенли мгновенно спроецировал услышанное на собственный развратный опыт, и на его багровой физиономии расплылась сальная ухмылка.

Оупен с отвращением отвел взгляд, но продолжил:

— Это правило работает для всех окрасов русалок, кроме сереброхвостых. Бывали случаи, когда особь, уже превращенная в самку, сбегала, находила более слабого русала, обращала его в самку и таким образом возвращала себе статус самца.

— Ты поймал чернохвостого, — оживился Кенли. — Жаль, что не сереброхвостого.

— Чернохвостые — абсолютная вершина пищевой цепи русалок.

Кровожадные, безумные в охоте, но пугающе хладнокровные вне ее. Будь среди людей правитель с повадками чернохвостого, он стал бы величайшим тираном в истории.

Кенли почесал подбородок:

— Любопытно. А почему сереброхвостые исключены из их «системы смены пола»? Хочешь сказать, у них от природы только один пол?

Тема секса пробудила в генерале невиданную тягу к знаниям. Он даже налил себе рому и, прихлебывая, приготовился слушать.

Оупен нахмурился, подбирая слова.

— Согласно хроникам, сереброхвостые действительно всегда выступают в роли принимающей стороны... Однако некоторые алхимики считали, что они вообще не являются русалками.

У русалок была своя цивилизация и свои мифы. Древние легенды гласят, что их Бог слишком долго пребывал в бесконечной пустоте. И тогда он отсек от себя самую мягкую, нежную часть и вылепил из нее себе супругу. Так появился первый сереброхвостый.

Но из-за этого истинное естество Бога стало средоточием чистого зла. Он упивался видом крови, обожал предсмертные вопли и жестокие игры. В конце концов, Его сереброхвостая супруга не вынесла этого и сбежала. Если верить их мифам, все остальные виды русалок — это осколки сущности их Бога, и потому сереброхвостые обречены вечно подчиняться им.

Ученые предполагают, что сереброхвостые — это вообще другой биологический вид, который эволюционировал подобным образом ради выживания, поэтому они так отличаются.

Читать последующие описания в дневниках было мерзко, но Кенли настойчиво ждал продолжения, и Оупен заставил себя говорить:

— Судя по уцелевшим записям кристаллов, процесс спаривания со среброхвостыми тоже разительно отличается. В этом царстве первобытной жестокости лишь к серебряным хвостам проявляют подобие... нежности.

Или, точнее, чудовищного коварства.

Сначала начинается отслеживание.словно касатка, загоняющая тюленя, хищник теснит среброхвостого к заранее подготовленному гнезду. Часто для этого они натравливают на него глубоководных чудовищ, вынуждая жертву в панике искать укрытие в нужной пещере.

Затем наступает этап поимки. Но он обходится без кровопролития: хищник убаюкивает эмоции среброхвостого ложью или подношениями из свежайшей добычи. Эта игра может длиться месяцами — их терпение в таких делах поистине безгранично.

Но стоит среброхвостому проявить слабость... или, наоборот, попытаться сбежать — финал один. Его намертво привязывают к рифам прочнейшими водорослями, и на долгие месяцы серебряный хвост исчезает из виду.

Конечно, если среброхвостый, чье чрево до краев заполнено икрой, все же решит вырваться на волю подышать, то вскоре за каким-нибудь случайным рифом обнаружится кладка незрелых яиц. Русалкам плевать на потомство. Освободив инкубаторную полость, можно немедленно приступить к новому циклу.

Оупен замолчал и холодным взглядом смерил генерала:

— Довольны древними хрониками алхимиков?

Кенли поднял бокал с ромом и пьяно осклабился:

— Если бы эти среброхвостые оказались белокурами маленькими шлюхами, они бы понравились мне еще больше.

<http://bllate.org/book/18086/1734610>